

Се Бинмянь приподнял бровь, выражая легкое невежество.

— Староста, ты обо мне говорю? Я ведь совсем не такой, как он.

— Я бы никогда не сказал тебе таких резких слов, да и не стал бы злиться на тебя. Если бы ты рассердился на меня, я бы обязательно тебя успокоил.

Пока они обменивались этими фразами, Ся Цинцы уже вернулся на свое место. Несколько человек рядом услышали их разговор. Мэн Фэйюй и Е Ци обернулись, но тут же отвели взгляды.

— Староста, у тебя спустило колесо, как ты добрался до школы? На автобусе?

— На автобусе, — ответил Ся Цинцы, раздав анкеты для общественной практики, а затем вернулся на свое место. Он сунул руку в парту и снова нащупал там завтрак.

То же самое, что и вчера: булочки и соевое молоко, но сегодня молоко заменили на обычное, тоже сладкое.

Се Бинмянь вошел вместе с ним. Ся Цинцы посмотрел на сидящих впереди Е Ци и Мэн Фэйюй — оба были заняты своими делами.

Он не стал спрашивать. В руках у него был завтрак, который отец дал ему с собой, и не мог же он оставить его на учительском столе, поэтому положил обратно на парту Се Бинмяня.

— Староста, зачем ты мне это отдаешь?

— Возвращаю, — ответил Ся Цинцы.

— Это я не приносил, — взгляд Се Бинмяня упал на яйцо в руках Ся Цинцы. — Если хочешь что-то дать, дай мне то, что держишь в руках. Мне нужно твое.

Ся Цинцы не согласился. Положив булочки и молоко на парту Се Бинмяня, он подумал и произнес:

— Если в следующий раз снова принесешь, я выброшу.

Ему не нравились знаки внимания и забота. Для него это было лишь проблемой.

— Староста, не говори это мне, скажи тому, кто это принес, — Се Бинмянь усмехнулся, но в его глазах не было ни капли веселья.

Ся Цинцы взглянул на него, но промолчал. Он достал учебник перед началом урока. Через пару дней предстояла контрольная, а после нее — общественная практика.

После уроков, когда большинство учеников уже разошлись, Се Бинмянь стоял на крыше и наблюдал. Он мог с первого взгляда найти Ся Цинцы в толпе.

Все шли группами по двое-трое, но юноша шел один, пробираясь сквозь поток людей, с вечным выцветшим рюкзаком за спиной. Его стройная фигура быстро исчезала в море людей.

— Второй брат, не расстраивайся, — задумчиво произнес Мэн Фэйюй. — Старосте нужно время, чтобы привыкнуть. Раньше он, вероятно, не сталкивался с подобным.

Се Бинмянь подумал, что и сам бы не хотел, чтобы такое случилось. Он хорошо помнил выражение лица Ся Цинцы, когда тот увидел записку в тот день. Оно было не таким, как обычно.

— Я думаю, — задумался Е Ци, — Второй брат, староста, вероятно, считает, что это твоя прихоть. И не только он, мы тоже так думаем. В конце концов, твой характер не так-то просто изменить.

— Ты замечал, что к старосте трудно подойти? Он из тех, кто... как бы это сказать...

— Раньше тоже были девушки, которым он нравился, но он слишком замкнут. Кроме учебы, у него практически нет социальной жизни. Возможно, потому что его семья строго его контролирует. Семья у него, кажется, небогатая, он растет без отца...

— Ты действительно пытался понять старосту? Твое «нравится» основано лишь на том, что он красивый, он тебе по вкусу, и ты хочешь с ним поиграть. Такое чувство не... не является глубоким.

Е Ци продолжил:

— Подумай, почему он так меняется рядом с Шэнь И. Потому что он чувствует, что Шэнь И — его ровня. Он избегает тех, кто отличается от него. Возможно, это его защитный механизм, сформированный его характером.

— Ты видишь только одну сторону старосты. Возможно, у него есть и другие стороны, которые мы не замечаем. Второй брат, тебе сначала нужно попытаться его понять. Прежде всего, он — человек... Если ты хочешь войти в его сердце, сначала нужно понять его внутренний мир.

Мэн Фэйюй показал Е Ци большой палец и понизил голос:

— Как ты так хорошо его понимаешь? Ты что, тоже влюблен в старосту?

Е Ци смерил его взглядом, который означал: «Катись».

— Конечно, если ты просто играешь, тогда считай, что я ничего не говорил. Староста и так тебя боится. Если ты начнешь давить на него, он, возможно, и согласится.

— Но он, скорее всего, никогда тебе этого не простит.

Е Ци говорил прямо:

— Помнишь, когда его заперли на крыше, он ведь сам запер учеников второго класса в классе? А в прошлый раз, когда Сун Цянь сказал, что он ест что-то несъедобное, он внешне не показал, что это его задело, но в итоге зачет по физкультуре у Сун Цяня аннулировали, и в этом семестре ему, вероятно, придется бежать пятикилометровку.

— А еще Сунь Пин, который поцарапал его парту. Если бы ты не заставил Сунь Пина уйти, он, возможно, сейчас получил бы взыскание. Это Цзи Юань мне рассказал, что кто-то отправил в студенческий совет анонимную жалобу.

— Я не знаю, кто это был, но мне кажется, что это сделал староста.

— Староста, возможно, и не так хорош, как ты думаешь. Он злопамятен, — Е Ци хотел сказать, — поэтому, если ты когда-нибудь его обидишь, учитывая, что он и так к тебе плохо относится,

то завоевать его расположение...

Мэн Фэйюй, слушая, остолбенел и машинально добавил:

— Будет труднее, чем подняться на небо.

Се Бинмянь, выслушав, приподнял бровь.

— Так вот что вы думаете?

— Сяо Ци, оказывается, ты мне тоже не веришь, — Се Бинмянь усмехнулся. — Но ты прав, мне сначала нужно его понять.

— У наших школьных ворот после уроков ходят автобусы?

Мэн Фэйюй знал ответ:

— Ходят, но по расписанию их не угадаешь, и влезть туда непросто.

— Понятно, — Се Бинмянь спрятал зажигалку. — Сегодня меня не ждите, я пойду к старосте.

— Зачем он тебе?

Через мгновение он уже спускался по лестнице, и из коридора донесся его ленивый голос.

— Провожу старосту домой.

Мэн Фэйюй и Е Ци переглянулись. Е Ци был слегка в недоумении:

— Зря мы говорили, это никак не охладит пыл Второго брата.

Они забыли о бунтарском характере их брата. Чем больше ему что-то запрещают, тем больше ему этого хочется.

У школьных ворот Ся Цинцы стоял на автобусной остановке, рядом с ним было много учеников в сине-белой школьной форме. Остановка здесь была только одна, автобусы ходили примерно каждые полчаса.

Предыдущий уехал сразу после звонка, он опоздал и не смог втиснуться. На этот раз он посмотрел на толпу: надежды было мало.

Он сжимал книги, стоя в углу и стараясь быть незаметным. Лишь изредка несколько девушек оборачивались, чтобы бросить на него взгляд, и перешептывались.

— Форум удалили... раньше там писали о нем.

— Никогда не видела, чтобы Второй брат был с ним. Может, это слухи.

— Если бы это было правдой, учитывая характер Второго брата, он бы точно не позволил ему толкаться в автобусе.

Девушки продолжали тихо обсуждать, но Ся Цинцы даже не шелохнулся. В руках он держал карточки со словами, которые нужно было выучить на следующей неделе, с различными формами и пометками.

Вдали раздался рев мотора, и девушки вокруг завизжали. Ся Цинцы это раздражало. Многие приезжали в школу на мотоциклах, словно специально привлекая внимание. Это казалось ему детским, вызывающим и постыдным.

Конечно, его это не касалось, позорились-то не он.

Он только об этом подумал, как вдруг воздух вокруг словно сгустился, и множество взглядов устремилось на него. Рев мотора приближался, и он инстинктивно поднял голову.

Черный модифицированный «Кавасаки» с необычным дизайном и плавными линиями остановился перед ним. Кто-то, уперев длинные ноги в землю, снял шлем, и его взгляд, полный легкой усмешки, точно нашел Ся Цинцы в толпе. В глубине его черных глаз плясала искра.

Голос звучал так же небрежно, как всегда.

— Староста, почему не сказал мне, что спускаешься?

— Иди сюда.

Мотоцикл сам по себе привлекал внимание, а вместе с Се Бинмянем это было двойное внимание и двойной позор.

Ся Цинцы нахмурился, но не сдвинулся с места. Десятки глаз смотрели на него, и прежде чем он успел что-то предпринять, автобус медленно остановился и открыл двери.

Он посмотрел туда. Пока он медлил, автобус уже набился битком, и на остановке осталась лишь небольшая группа людей.

Он стоял в самом углу и как раз входил в эту группу.

Если ждать еще полчаса, домой он приедет очень поздно.

— Староста, это был последний автобус. Посмотри на часы, уже больше шести.

Нет примечаний.

<http://bllate.org/book/16896/1566688>